

ТИНА ШЕХУ

ХОЗЯИН ОРОЧЬЕЙ ТЮРЬМЫ
ЕГО ПЛЕННИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Шеху Хозяин орочьей тюрьмы. Его пленница

<https://litres.ru/74318373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди проиграли. Королевство сожжено зелёным орочьим пламенем. А прекрасная принцесса оказалась скована цепями в жуткой темнице, откуда ещё никто не выбирался. Да ещё и зритель ей достался не отличающийся манерами и нравственностью.

Содержание

1	4
2	11
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тина Шеху

Хозяин орочьей тюрьмы. Его пленница

1

От вони, царящей в малюсенькой коморке, меня уже давно мутит, но стиснув зубы и закрыв ладонями слезящиеся глаза, я терплю, стараясь не издать ни звука.

Нельзя показывать им, что я проснулась. Я не знаю, что они будут со мной делать.

— Принцесса очнулась? — низкий, как грохот на каменоломне, раздаётся голос тюремщика.

Он спускается по лестнице в мою темницу, гремя тяжёлыми браслетами, похожими на цепи, которыми сковали мои ноги. В этом не было необходимости, но орки же любят издеваться над жертвами.

Зачем он пришёл? Я была тихой. Он не мог услышать, как я ощупывала каждый камень, молясь зацепиться за неровность и найти тайный лаз.

— Уже жалеешь, что не сбежала, как папаша?

— Он не сбежал, — морщусь, как от удара. — Он отступил, чтобы собрать силы и показать вам...

Поджимаю под себя ноги, в попытках немного согреться. Об колени тут же ударяется подбородок в мелкой тряске.

— Как интересно. Повелитель людей не трусливо бежал в свою хибару в соседнем королевстве, а ищет союзников? — тяжёлая поступь затихает совсем рядом с моей клеткой. — Ты оголодала, девица. Бредни несёшь. На. Опомнись.

Противный скрип дверцы оглушает. Орки даже не заперли меня на ключ, настолько выказывают пренебрежение к похищенной принцессе.

Пред лицом застывают здоровенные колени, испещрённые глубокими мускулами. Я никогда не видела настолько мощных людей в королевстве. Хотя это и не человек.

Зубастая морда разглядывает меня без особого интереса, но зато не в враждебностью. Орк не видит во мне врага, я для него ничтожная маленькая девочка, на которую не хочется даже отвлекаться от своих невероятно важных орочьих дел — грабить, убивать, а в перерывы грызть плоть побеждённых!

Громадный орк вызывает во мне естественный страх, заставляющий сильнее поджимать под себя ноги и дёргать окоченевшими пальцами то, что осталось от юбки.

— Чо не берёшь? — произносит громче и злее. — Я тебя заставлять жрать не стану. Хочешь сдохнуть — мне делов меньше будет.

Хмыкаю, только сейчас замечая, что всё это время в огромных лапищах деревянная плешка с чем-то очевидно

омерзительным.

— Чо рожу кривишь? — замечает моё пренебрежение тюремщик. — Кухарка ради тебя постаралась.

Я не хочу думать, в чём постаралась, и что вообще в миске. Есть я это точно не буду, даже если придётся грызть своё платье от голода!

— Гордая? Или язык проглотила? — орк кривится, становясь ещё опаснее. На его лицо падают резкие тени от скромного факела, что догорал последние часы своей жизни. — Думаешь, я с тобой возиться буду? Как прислуга ваша?

Поджимаю губы. Мне всё равно, что он сделает с этой жижей в миске, которую даже пищей язык не повернётся называть.

Отворачиваюсь, показывая, что я не рада его присутствию, но орк почему не уходит, довольным, что его работа со мной закончилась. Наоборот, он пыхтит, звенит цепями и, наконец, швыряет мерзкое варево на пол.

И не успеваю я даже заметить движение теней, как на подбородке уже сжимаются грубые пальцы. Да что он себе позволяет?!

— Смотри, когда с тобой говорят, — поворачивает мою голову, сжимая челюсть едва ли не до хруста.

С губ срывается стон, что не удаётся подавить. Слишком неприятные ощущения, непривычные. Со мной никто и никогда не смел так обращаться!

— Кожа ровная, мягкая, — водит гадким пальцем по ще-

ке, дотрагивается до губ и оттягивает нижнюю. — Все луны живёшь в людской роскоши, не знаешь настоящей жизни.

— Если жизнь это убивать невинных детей, грабить бедных и насиловать женщин, то не нужно мне это бесчестие!

Наглый, противный, грязный орк! Да что он может знать о жизни, если не прочитал ни одной книги, не видел мира, а только сидел в вонючей темнице с детства, да пытал несчастных людей?

— Насиловать женщин? — рука спускается ниже к шее, слегка сжимая её и перекрывая мне доступ к воздуху. — Хочешь этого?

Почему из всего он услышал именно эти слова?

— Отпусти меня, — собираю всю волю для этой фразы. Выходит сипло и совсем не властно. Жалко.

Его палец скользит в ямку между ключиц, больно надавливая.

Я вскакиваю, прижимаюсь к стене. Цепи на моих ногах ударяются об пол, оседая звоном в ушах.

— Убирайся! Оставь меня! Уйди!

— А куда? — орк растягивает тонкие губы в ухмылке, демонстрируя клыки. — Это моя клетка. Ты мой хомячок. Люди же заводят мелких существ на потеху?

Огромная зелёная рука тянется к моим волосам. Отскакиваю, но спина упирается в холодный камень. Бежать остаётся только вперёд, но кандалы продолжают болезненно впиваться в щиколотки.

— Твоя? — смеюсь горько. — Ты же дворняга вождя. Тебе только цепи мыть.

Глаза орка сужаются. Он подходит, вновь хватает меня за подбородок.

— Умна для куклы. Но куклы ломаются, — его голова склоняется ниже, чтобы оказаться на одном уровне с моей. От орка пахнет жареным мясом, в его жёлтых глазах полыхает пламя.

Моё дыхание учащается, в висках пульсирует ужас.

— Отец твой уже в шелках и вине, а ты... — он рычит, прижимаясь всем телом. — Дрожишь в руках своего врага.

— А ты неудачник! Тебя даже на войну не взяли! — выдыхаю ему в лицо.

Орк внезапно смеётся, выпускает моё лицо, которое я тут же в отвращении вытираю грязными руками. Уж лучше запачкаться пылью, чем ощущать чужие прикосновения.

— Хочешь знать, почему я здесь? — достаёт из-за пояса нож, вертит в пальцах. — Потому что скучно. Вы все одинаковые — орёте, кусаетесь, молитесь. А потом... — он резко втыкает клинок в стену между моих ног. — Согласны раздвинуть ноги, лишь бы вас пощадили.

Я плюю ему в лицо. Слюна стекает по гладкой щеке.

— И всё? — он стирает её рукавом. — Принцессы должны плевать ядом.

Подонок хлопает меня по бедру. Резко, звонко. Кожа горит.

— Не трогай меня! — бью кулаком в мощную обнажённую грудь, но орк ловит удар и тянет меня на себя.

— Ой, драчуня. Почти поверил, что ты из наших, но больно тощая и слабая, — бормочет, нависая сверху. Колено сильнее раздвигает мои бёдра. — Хочешь поиграть? Давай.

Его грубые пальцы впиваются в пояс платья. Последняя целая ткань рвётся с треском. Холодный воздух темницы вынуждает меня втянуть живот.

— Прекрати! — воплю, царапая ему грудь, но зелёную кожу не пронять так легко. Слишком толстая, как черепушка тупого орка.

Мне нужен нож, что застрял внизу, едва касаясь рукоятью моего самого интимного места.

— А что сделаешь? — тюремщик хватает мои запястья, прижимает над головой. — Позовёшь папу? Он уже продал тебя за бочку вина.

— Сволочь! — выгибаюсь, пытаюсь сбросить его. Бесполезно.

Сухие губы уже скользят по шее. Грубо, без нежности. Клыки задевают ключицу, чуть ли не вспарывая кожу.

— Ты... просто тварь, — шиплю, ощущая, как дрожу. От холода, от страха, от безысходности.

— Тварь? — получаю ужасный укус за плечо. В его зубах остаётся белый шелковый лоскут, что тут же летит вниз к нашим ногам. — А ты кто? Безродная кукла. Принцесса? Пф, — его рука опускается ниже, к краю рваного платья. — Вот

твой трон теперь.

Не понимаю, что происходит, боль и непривычные ощущения разъедают сознание. Откуда? Что это такое?

Опустить взгляд вниз слишком страшно, ведь я подозреваю, что могло произойти.

— Нравится, что тебя трахает орк? — грубо и язвительно в такт движениям внутри. — Только одним пальцем. Пока.

Несколько дней назад. Королевство людей во время нашествия орков

Кости и броня трещат под сапогами орков. Рукоять моего меча пропиталась кровью, а они всё наступают — им неведомы ни боль, ни страх.

Моя родная столица полыхает алым заревом от их огненных катапульти и яростных набегов. Над замком, где отец целовал меня в лоб и клялся, что «короли не бегут от трудностей», теперь скопился чёрный дым.

— Ваше Высочество! — кричит капитан стражи, отрубая разъярённому орку руку. Его голос тонет в рёве и столах моих людей. — Король... они с королевой уже за рекой! Они отправляются в резиденцию, а не за подмогой!

— Врёшь! — бросаюсь к нему, помогая из последних сил добить орка. — Отец не может предать нас! Он...

Стрела впивается капитану в горло. Он падает, а я остаюсь стоять на площади, где ещё вчера народ бросал к моим ногам цветы. Теперь они бегут, давят друг друга и ужасающе вопят.

Я не боец, да и меч поднимаю второй раз в жизни, но бежать и спастись, как крыса с корабля, я не имею права.

Отец... перед глазами так и стоит его нервная улыбка.

Он умолял меня бежать за подмогой вместе, но я отказалась оставлять наш народ. Отец же обещал, что вернётся, и я ему верю, а пока буду продолжать стоять в рваном платье среди своих воинов. Пусть не силой, так духом я покажу им пример!

— Берите её живьём! — рычит кто-то сзади на языке орков.

Не заметила! Засмотрелась!

Трое зеленоликих чудовищ подобрались едва ли не вплотную, намереваясь убить меня.

Это конец... мне не выстоять.

Мой меч едва ли задевает живот первому орку, пока второй хватает за волосы, выдирая сразу несколько прядей. Третий же бьёт рукоятью клинка в висок.

Я не справилась, я проиграла. Как же больно!

Мир гаснет.

Сейчас. Орочья темница

Мне больно, противно, страшно. Но даже зубы, которыми я впиваюсь в орочью руку, что сжимает мои кисти над головой, не мешают тому меня насиловать. Орк не чувствует боли, только усмехается моим попыткам вырваться.

Второй рукой чудовище продолжает трогать вниз, вызывая мурашки отвращения по коже.

— Нравится? — опять спрашивает, нагибаясь к моему ли-

цу. Запах жареного оседает в лёгких. — Отвечай.

Я молчу, за что получаю новую порцию болезненных ощущений. Орк, вынул палец лишь для того, чтобы вогнать его вновь.

— Отвечай, — продолжает пытеть на ухо и насиловать, сгибая палец, чтобы мне стало ещё неприятнее.

Мразь.

— Нет, — впиваюсь в его стальные мышцы зубами. Слова вылетают смазанные и неразборчивые. — Уйди. Сгинь!

— Вижу, что нравится, а то не дрожала бы, как кролик перед секачом, — от орка веет презрением. Он наваливается сильнее, вжимая меня в разгорячившуюся трением стену.

Кажется, лезвие ножа задевает бедро, и от резкой пронзительной боли становится чуть легче терпеть извращения тюремщика, упивающегося моей беспомощностью.

— Отпусти, тварь! — кусаю ещё раз и уже выкрикиваю ему в лицо. — Ваш лагерь падёт! Мои люди сотрут вас с лица земли! Всех! Они вернутся за своей принцессой! Высвободят меня, а я лично отсеку тебе голову!

— Ты сама понимаешь, что папашенька бросил тебя, а бесполезный народ твой даже бой принять не смог. Бросился в рассыпную, испугавшись принять смерть с достоинством. Жалкие люди, слабые, бесполезные. Ваш род не достоин существовать. Труссы.

Внизу становится слишком горячо от скорости движения пальца и того, как я беспокойно ёрзаю задом, пытаюсь уйти

от прикосновений.

Орк добавляет второй палец, заставляя меня ещё сильнее выкрикивать проклятия.

— Ненавижу! Вы нелюди!

Возле глаза оказывается крупный белый клык, что совсем недавно, наверняка, впивался в мясо.

Я отворачиваюсь к стене, чтобы не видеть его здоровенную зелёную морду со злым выражением лица. Будто это его похитили из дома, разрушили его город, а теперь держат в холодной темнице.

— Ты жалкая маленькая девочка, — вставляет пальцы.

Зажмуриваюсь, чтобы больше не издать ни стона, но тело предательски пробивает на заметную дрожь. Если бы орк не держал меня, то я уже давно соскользнула бы на пол. Но он наваливается так, что я даже не могу вздохнуть — грудь сплющивается под натиском слишком горячего тела.

— Невинная? — выдёргивает пальцы и поднимает руку выше. Я не готова на это смотреть. — Папашка велел держать щель за замке? Уже сосватал тебя богатому старику с маленьким дряхлым пенисом, но с огромным мешком золотых?

Кусаю губу, не в силах смириться с позором, выпавшим на мою долю. Хотя пенять на судьбу может любой дурак, а в моих силах было что-то изменить и не допустить произошедшее. Но я опять не справилась.

— То яростная, то тихая, бедовая баба, — произносит тю-

ремщик, вытирая толстые пальцы о последний лоскут платья, свисающий под грудью. — Лучше подчиняйся приказам, и я не трону тебя. Сама же ослушалась, сама виновата, что тебя трахнул орк. Не стала жрать, получила палец в щель.

Серьёзно?

Мои ресницы подрагивают, к лицу прилипает краска. Прыть и ярость куда-то делись, уступая место слабости и отчаянию. Хотелось рыдать, захлёбываясь слезами, но доставить подобного удовольствия врагу я не могу.

Пусть до последнего видит во мне принцессу, а не несчастную девочку, лишившуюся всего, но только не надежды.

Что если орк прав? Мои люди не хотели сражаться, бежали вслед за колесницей отца. А отец унёсся в защищённую резиденцию, оставив нас погибать?

Нет. Это неправда.

— Продолжаешь действовать мне на голову? Не отвечать? — отошедший орк, врезается мне в грудь мощным торсом. — Хочешь продолжения? Трахнуть тебя орочьей дубиной?

— Н... нет, — вырывается болезненный выдох. Внутри всё горит. До сих пор кажется, что пальцы орка грубо толкаются в тело. — Я поем.

Приходится уступить, сжимая челюсти. И орк со смешком отходит.

Сначала звенят цепи на его браслетах, когда зелёные мощные руки подхватывают и выдергивают нож, что порезал мне

бёдра. Клинок быстро исчезает в складках набедренной повязки — единственного куска ткани на теле зелёного существа. Кроме этой юбки на орка надеты потёртые кожаные сапоги, а грудь опоясывают коричневые ремни, соединявшие и удерживающие сыромятные наплечники.

Орочья мода режет чувство прекрасного, но я прикусываю себе язык, замечая как чудовище почёсывает через повязку свой орган.

Он упомянул орочью дубину. Это же... про член?

Проверять я не готова. Мать всегда учила, что в жизни принцессы бывают моменты, когда стоит засунуть слова о справедливости подальше в горло, промолчать или согласиться для собственной выгоды и безопасности. И кто бы знал, что мамин указ пригодится в орочьей тюрьме.

— Правильно, жри.

Плошка с рассыпанными харчами пододвигается по полу в мою сторону. Только чудом носок орочьего сапога не задевает эту «пищу».

— Жри, если не хочешь, чтобы я тебя трахнул, — продолжает теревить орган орк. Под тканью отчётливо заметны очертания чего-то здорового и длинного.

Лучше поесть.

Опускаюсь на пол, едва не морщась от боли между ног. Не скажу, что ощущения раздражающие. Нет, мне неприятно, но куда больше унизительно и обидно. Я гордилась своей честью не для того, чтобы потерять её с врагом.

— Правильно. Чтоб, когда вернулся, всё было вылизано, а не то заставлю вылизывать дубину, — хмыкает тюремщик, наконец, убирая руку от повязки. Он выходит, застывая на миг уже за решёткой. — Принцесса.

Последнее слово задумчиво повисает в воздухе, но я не придаю этому значения. Он поднимается наверх, закрывая за собой тяжёлую дверь. Я остаюсь одна с миской несъедобных объедков и тёмными стенами, где не находится ни единой выемки.

Но не может же мой конец быть таким? Орки же не просто так меня заперли? Возможно... я смогу договориться? Убедить их выпустить меня прогуляться, а сама сбегу домой и соберу воинов?

Остаётся только придумать, куда спрятать мерзкое варёво, пока орк не выполнил свою угрозу. А потом попытаться сломать цепи и добраться до двери.

— Отсюда не выбраться, девочка, — извечный тюремщик суёт в лицо деревянную посудину с супом. Наверняка, горячую.

Пока он не вылил мне её на голову, перехватываю за едва осязаемый бортик и ставлю на пол.

— Из наших темниц сбегали, а чем я хуже рыночного ворюги? Мне дали образование.

Орк почти закидывает голову вверх, глухо посмеиваясь надо мной.

— Наивная или глупая? — обратился он сам к себе и почесал подбородок, гремя браслетом. — Красивая, образованная принцесса обидится, если я назову её глупой. А хочу ли я обижать принцессу? Девочка, из ваших тюрем сбегали совсем другим способом.

Он замолкает, а я с ненавистью отвечаю:

— Тебе почём знать, орк? Ты никогда не жил среди нас! Это у вас принято забивать до смерти, ещё не доведя до темницы! Варвары!

— Точно глупая, — здоровенная туша так и замирает надо мной, разглядывая, как я пытаюсь прикрыть голое тело руками. От платья не осталось ничего. — Но красивая. Для человеческой женщины этого хватает. В бою вы бестолковые

и безропотные куски мяса.

Мне не нравится, как он смотрит на меня, как тычется взглядом между ног, наверняка, смакуя воспоминания о вчерашнем насилии.

Было ли это вчера? Прошли ли сутки? Я не знаю. Мне ведомо лишь то, что цепи никак не разбить об пол, а оковы на ногах впиваются в плоть, если сделать три шага от стены.

Но орк только смотрит, поигрывая пальцами у бедра.

— Ты сожрала еду?

— Ты её только что принёс, — кривлю рот и отворачиваюсь, прекрасно понимая, о чём он. Обещал, что если не поем, то хуже будет.

И что я сделала?

Голодный желудок отвечает за меня протяжным воем, и подавить позыв не выходит. Орочье дыхание становится чуть глубже или мне кажется?

— В помойном ведре жрачка.

— Н... нет!

Как он понял? Унюхал или орки умеют мыслить? И что же? Заставит есть... оттуда? Мама...

Внутри всё сгорает от отвращения. Где такое видано, чтобы принцесса вкушала орочьи деликатесы? Но рассуждать в моём положении бессмысленно.

— Как же с вами... — грубым глухим голосом в воздухе повисают непонятные слова на варварском языке. — Повезло тебе, принцесса, что важна ты вождю. Не даст он приго-

товить тебя на обед.

Вдоль позвоночника наплывом спускаются мурашки.

— Зачем я вам?

Оборачиваюсь, глядя на здоровенную фигуру. Грязь на зелёной коже поблёскивает на свету затухающего факела. Орк стоит на месте, будто решает достойна ли я ответа или можно уйти, оставив мне суп.

Видно, что ему скучно, заметно, что не хочется ему во- зиться со мной. Видимо вождь запретил откровенное наси- лие, вот надзиратель и заскучал.

— Что вы хотите со мной делать? Обменять на земли? Лунную Гавань хотите?! Столицу?! Отвечай!

Даже в самом худшем кошмаре невозможно представить, что по нашей земле будут топтать железные сапоги. Не место пещерным отродьям под солнцем.

Пусть я погибну, сгнию в темнице, но не допущу их вла- сти.

В голове так и проносится, как мой надзиратель скучающе шагает вдоль берега Лунной Гавани — главного королевско- го порта. К его ногам приливает светящаяся от редчайших водорослей волна, а орк вырывает растение, стирая красоту в порошок и смеётся, пока его собраты поджигают водяные мельницы и суда.

— Нет, — даже встаю.

— Нет, — повторяет за мной орк и делает шаг ближе. — Вождю неинтересен обмен. Ваши земли уже наши.

— Врёшь!

Он пожимает плечами, изучая мою реакцию. Дьявольские жёлтые глаза едва светятся, двигаясь в такт моим движениям.

— Вы не могли, — взмахиваю руками в жесте не положенном принцессе. Нервы на пределе, меня трясёт. — Наши бойцы должны вас выбить. У нас много воинов, куда больше твоих сородичей-головорезов!

Орки всегда живут небольшими, но кровожадными племенами.

Не знаю, какое племя похитило меня, но их надзиратель крайне странный малый. Угрожать он может, а рассказать, что происходит с моим домом нет?

Я требую от него ответа, заклиная, что мои люди отобьют потерянное, да и разобьют отряды орков. Нас больше.

А орк только и стоит, разглядывая меня.

— Много ярости для голодной слабой смертной. Жри.

Будто его интересует лишь исполнение своих обязанностей. Нашёлся же работник!

— Не буду, пока не опишешь всю ситуацию наверху, — я готова сгореть в неведении.

Живы ли родители? Стоит ли ещё замок? Сколько моих людей полегло?

Но гнусный орк либо молчит, либо требует, чтобы я ела.

— Ты жалкий слуга, — устав, прислоняюсь к стене. Садиться перед врагом я больше не собираюсь. — Позови во-

жды. Я поговорю с ним.

— Не положено.

— Я принцесса! И я имею право говорить с...

Меня подло прерывают тычком в плечо.

— Право имеешь молчать, жрать и стонать о пощаде.

Этим можешь заниматься и в одиночестве. Понятно, девочка?

Отклоняюсь от грубого прикосновения. Кандалы звенят, затягиваясь на израненной коже.

— Трусливо бежишь? Как папаша?

— Он не бежал!

Как он смеет продолжать говорить это мне? Задираю голову вверх к скучающим орочьим глазам, тот продолжает лопать моё плечо.

Дьявол, я ведь стою абсолютно обнажённая перед врагом. Но закрываться уже поздно, он расценит это, как очередную слабость.

— Весь твой народ сбежал. Даже не принял бой, — зубастый рот только и открывается, чтобы выплёвывать на меня мерзкие слова.

— Свинья!

Не ведая, что делаю, ударяю по пухлым губам орка кулаком, желая размазать его физиономию. Считает, что мы все трусы? Пусть получает в ответ!

Но кулак не долетает до зелёной морды. Замирает в миллиметре, крепко удерживаемый орочьей рукой. Зелёная ко-

нечность раз в десять больше моей и с лёгкостью отводит удар в сторону.

— Боевая принцесса, — усмешка летит мне в лицо.

Мой второй кулак взмывается вверх, но его постигает та же участь.

— Хватит! Дай мне тебя ударить! — кричу, срываясь на визг. — Ты должен ответить за свои преступления! Должен!

— Несчастный человек может мешок с песком, если боится, что соперник ударит в ответ.

Орк толкает меня бедром, вынуждая криво упасть на пол.

— Твоё место, принцесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.